

КЛАД ЖЕЛЕЗНЫХ ТОПОРОВ С ТЕТЮШКОГО II ГОРОДИЩА В ТАТАРСТАНЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тетюшское II городище расположено на северной окраине г. Тетюши Тетюшского района Татарстана. В 2007–2013 гг. там была исследована площадь в 444 кв. м. Культурный слой имеет мощность 1,5–2 м. Раскопки показали, что поселение на этом месте возникло в эпоху позднего бронзового века – начале раннего железного века – в IX–VIII вв. до н.э. Своего расцвета оно достигло в VI–VII вв. Этот период представлен материалами именьковской археологической культуры.

Интересна находка на городище клада железных топоров именьковской культуры. В кладе было восемь одинаковых топоров, которые можно назвать топорами «тетюшского типа». Все топоры из клада никогда не использовались по назначению: лезвия этих изделий были не заточенными. Сохранность их идеальная: на поверхности нет следов коррозии и повреждений. Это состояние артефактов позволяет установить способ их изготовления. Топоры были найдены не все вместе, а на небольшой территории площадью около 4 кв. м поблизости от специализированных объектов для плавки металлов. При этом ни с одним из них они не были связаны.

Еще один железный топор обнаружен в раскопе на другой части городища. Он отличался от топоров из клада размером и сохранностью. Но внешний вид этого артефакта близок топорам из клада. Клад был спрятан в конце VII – начале VIII в.

Распространялись топоры рассматриваемого типа на небольшой территории именьковской культуры в нижнем течении Камы и среднем течении Волги во 2-й половине или конце VII в. Аналогии топорам, найденным на Тетюшском II городище, позволяют предполагать, что этот тип изделий сложился на основе традиции, сформировавшейся не ранее V в. н.э.

Причины сокрытия клада не разгаданы. Топоры могли быть сокровищем или ценным товаром, спрятанным владельцем. Нельзя исключать и того, что они могли быть использованы в каком-либо ритуале.

Ключевые слова: Татарстан, раннее средневековье, археология, кушнаренковская культура, именьковская культура, азелинская культура, железный топор.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-04

Эпоха Великого переселения народов кардинальным образом изменила этнокультурную карту Евразии. Среднее Поволжье в III–VIII вв. оказалось на перекрестке миграционных потоков, начинавшихся как на Западе, так и на Востоке за столетия до этого. Отражением этих явлений стала весьма пестрая картина археологических культур, которые фиксируются в этом регионе. Ключевым явлением здесь можно считать именьковскую археологическую культуру [Старостин, 1967], споры и научные дискуссии о которой не утихают уже почти полвека. В последнее десятилетие взгляды на нее сильно изменились, при этом ключевые вопросы о датировке, характеристике отдельных этапов, а также возможных вариантах, не говоря уже о происхождении, остаются далекими от окончательного решения. Практически каждый новый исследованный памятник, который может быть отнесен к ней, привносит что-то новое в осмысление проблем этого археологического феномена. Это относится и к Тетюшскому II городищу в Татарстане (рис. 1.-3), которое стационарно изучается с 2007 г.

Тетюшское II городище расположено на мысу коренной террасы правого берега Волги, в черте города Тетюши в Тетюшском районе Татарстана. В результате проведенных исследований выяснено, что основные отложения на памятнике относятся к именьковской культуре. В VI–VII вв. это был один из центров металлургии железа; осуществлялась плавка и цветных металлов. Достаточно представительны предметы

Рис. 1. Карта расположения памятников именьковской культуры с находками железных проушных топоров

импорта, найденные при раскопках: стеклянные и раковинные бусины, поясные накладки из железа и белого металла и т.п. [Руденко, 2010, 2011].

Одним из открытий на этом памятнике стал клад железных топоров, второй (после Щербетского) [Старостин, 1967, с. 22; Старостин, 1968, с. 251] (рис. 12.-1, 2) известный на сегодняшний день в именьковских древностях. Тетюшский клад, хранящийся в настоящее время в Тетюшском краеведческом музее (КП-4272, 4397), обнаружен в ходе археологических исследований в два приема. Сначала в раскопе I (рис. 2) у западной стенки квадратов 5 и 6 были найдены по отдельности два топора [Руденко, 2010, с. 23, 134, ил. 38, 39, рис. 50] (рис. 6); другие топоры (рис. 8) обнаружены на расположенном рядом небольшом участке раскопа VIII (квадраты 1 и 6), «прирезанного» к раскопу I спустя несколько лет (рис. 3). Кроме того, в раскопе IV найден топор [Руденко, 2010, с. 86, ил. 111; 2011, с. 41, 116, рис. 23-4], не входивший в состав клада (рис. 10).

Состав клада (каталог)

1. Топор (раскоп I, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –107 см, №29 (номер здесь и далее по плану раскопа); ТКМ, инв. №4272/132) (рис. 6.-1; 7). Железо,ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,5, шириной 2,5–5,4 см; толщина – от 0,3 до 3,5 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие секторовидное, высотой 5,4 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3 см, размеры проуха: 4,7 x 3,3 см.

Общая длина топора – 20 см, высота – 5,4 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам конструкции изделия можно предположить, что он изготовлен из железного клина (ширина после проковки 1,3 см), к которому кузнечной сваркой приварена согнутая в виде петли на оправке пластина (по форме в виде дуги), один конец которой образовывал проух, а второй конец согнутой пластины вытягивали до образования лезвия (технологическая схема №1).

2. Топор (раскоп I, уч. 5, пласт 2, слой III, гл. –115 см, №23; ТКМ, инв. №4272/131) (рис. 6.-2). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,2, шириной 2,5–5,3 см; толщина – от 0,3 до 3,3 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным почти на одной линии с обухом (отклонение вниз 0,6 см), и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,3 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3,3 см, чуть вогнут внутрь; размеры проуха: 4,4 x 3,3 см. Общая длина топора – 20 см, высота – 5,3 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам конструкции изделия можно предположить, что он изготовлен по схеме №1.

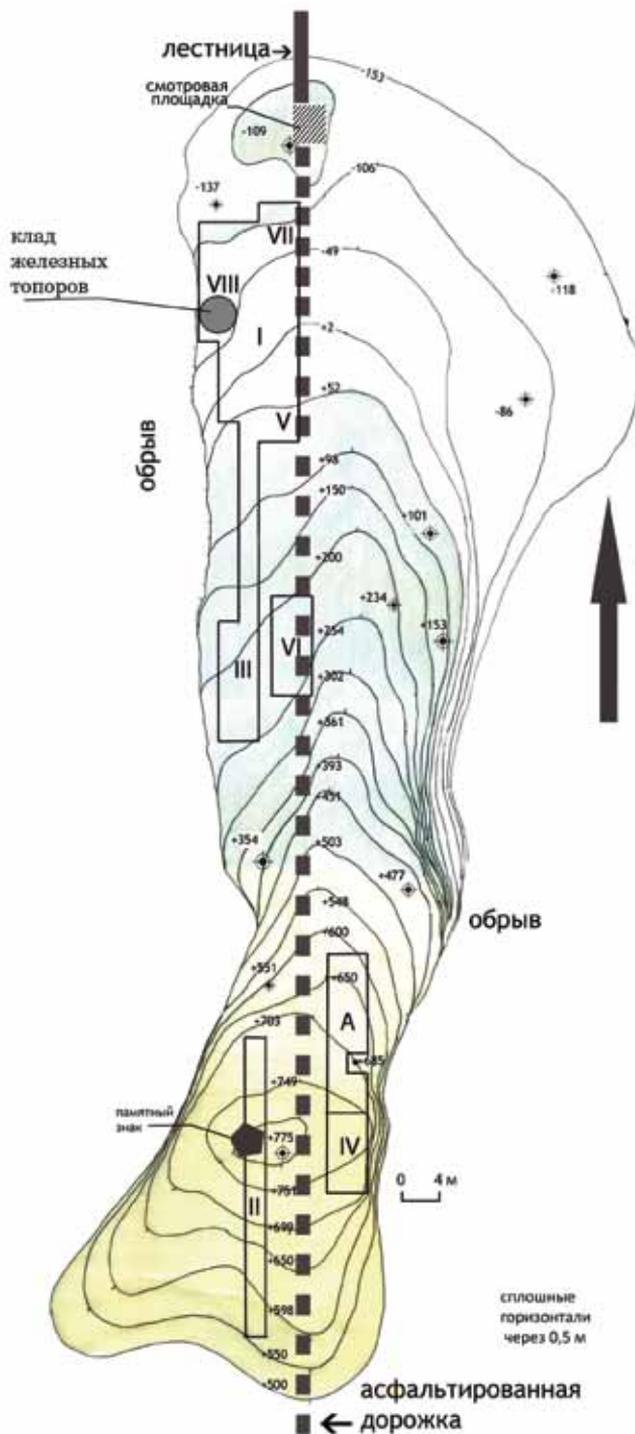

Рис. 2. План Тетюшского II городища с указанием места находки клада железных топоров

3. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 2, слой III, гл. –99 см, №2; ТКМ, инв. №4397/13) (рис. 8.-2; 9). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым, несколько асимметричным полотном (клином) длиной 15, шириной 2,7–5,4 см; толщина – от 0,3 до 4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,4 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,3 см). Обух петлевидный, высотой 3,7 см; размеры проуха: 4,7 x 3,2–3,4 см (немного расширяется в верхней части). Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,4 см, ширина – 5,5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. По видимым следам на топоре можно предположить, что обушная часть топора формировалась путем изгиба на оправке железной полосы, концы которой сваривались и вытягивались, причем между ними вставлялась полоска металла (технологическая схема №2).

4. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 3, слой III, гл. –100 см, №14; ТКМ, инв. №4397/14) (рис. 8.-5). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым, несколько асимметричным полотном (клином) длиной 15,3, шириной 2,3–5 см; толщина – от 0,3–до 3,35 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4–4,2 x 3,3 см (немного расширяется в верхней части). Общая длина топора – 20 см, высота – 5 см, ширина – 5 см. Сохранность: без утрат и коррозии. Топор изготовлен по схеме №1.

5. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 2, слой III, гл. –100 см, №5; ТКМ, инв. №4397/18) (рис. 8.-7). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 15,3, шириной 2,5–5,1 см; толщина – от 0,3 до 3,4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,1 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,35 см; размеры проуха: 4,2–4,7 x 3,5 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки составляет с одной стороны 1,1 см, с другой – 0,7 см, на обухе – 0,9 см. Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,1 см, ширина – 5,6 см. Сохранность: без коррозии, фрагмент носка отколот. Топор изготовлен по схеме №1.

6. Топор (раскоп VIII, уч. 1, пласт 3, слой III, гл. –145 см, №17; ТКМ, инв. №4397/19) (рис. 8.-4). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,8, шириной 2,4–5 см; толщина – от 0,3 до 3,4 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным чуть ниже (0,3 см) линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4,5–4,7 x 3,3–3,4 см (расширяется в верхней части). Толщина щек головки с одной стороны – 0,6–1 см, с другой – 0,7–0,9 см, на обухе – 0,5–0,7 см. Общая длина топора – 19,8 см, высота – 5 см, ширина – 5 см. Сохранность: без коррозии, без утрат. Топор изготовлен, вероятно, по схеме №2.

7. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –88 см, №29; ТКМ, инв. №4397/16) (рис. 8.-6). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 15, шириной 2,5–5,35 см; толщина – от 0,4 до 3,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной

Тетюшское II городище. Раскоп VIII. Общий план.

На плане обозначены:

- №1, уч. 5, монета 1760 г, -154 см;
- №2, уч. 1, топор железный, -99 см;
- №3, уч. 2, значок «Отличник Советской армии», -130 см;
- №4, уч. 1, тигель (фрагмент), -169 см;
- №5, уч. 1, топор железный, -100 см;
- №6, уч. 1, прясло глиняное, -118 см;
- №7, уч. 2, бусина стеклянная, -110 см;
- №8, уч. 3, нашивка круглая, -128 см;
- №9, уч. 3, фрагмент лезвия топора, -124 см;
- №10, уч. 2, наконечник стрелы костяной (фрагмент), -113 см;
- №11, уч. 2, фрагмент тигля, -113 см;
- №12, уч. 3, бусина стеклянная, -127 см;
- №13, уч. 1, прясло глиняное (фрагмент), -114 см;
- №14, уч. 1, топор железный, -100 см;
- №15, уч. 5, тигель, -139 см;
- №16, уч. 5, слиток белого металла, -144 см;
- №17, уч. 1, топор железный, -103 см;
- №18, уч. 5, железное изделие, -157 см;
- №19, уч. 4, бронзовый слиток в виде прутка, -145 см;
- №20, уч. 2, тигель (фрагмент), -120 см;
- №21, уч. 4, скоба железная, -161 см;
- №22, уч. 1, прясло глиняное, -129 см;
- №23, уч. 1, наконечник стрелы костяной, -128 см;
- №24, уч. 5, глиняное изделие, -164 см;
- №25, уч. 1, ошлакованная бусина (?), -129 см;
- №26, уч. 1, шарик глиняный, -129 см;
- №27, уч. 6, топор железный, -85 см;
- №28, уч. 6, топор железный, -84 см;
- №29, уч. 6, топор железный, -88 см;
- №30, уч. 5, терочный камень, -185 см;
- №31, уч. 5, прясло глиняное, -191 см;
- №32, уч. 5, прясло глиняное, -187 см;
- №33, уч. 2, прясло глиняное, -145 см;
- №34, уч. 1, прясло глиняное, -198 см

● топоры раскопа I

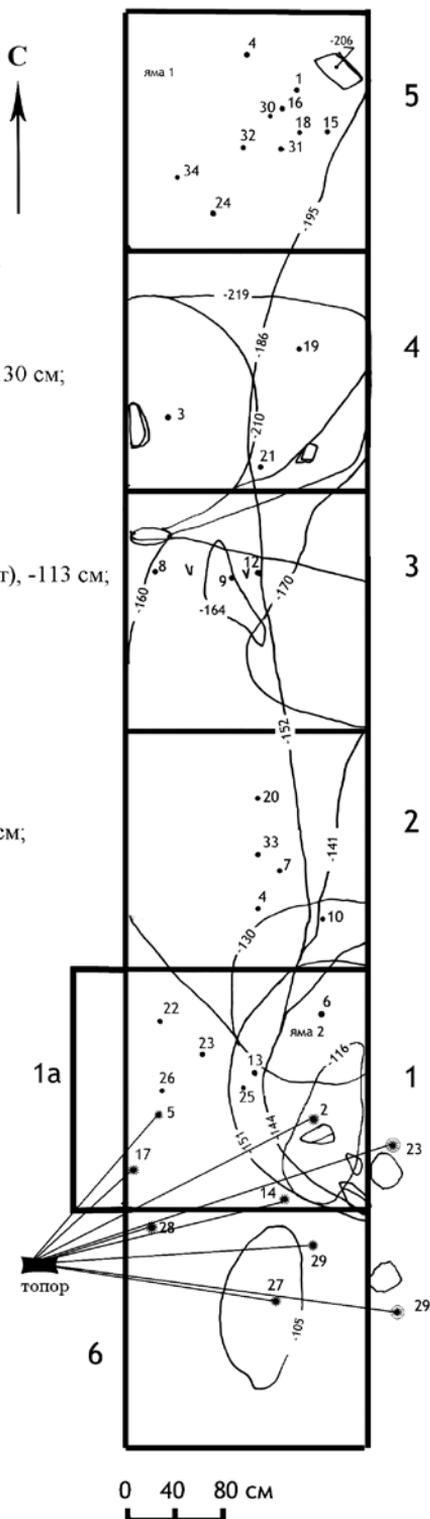
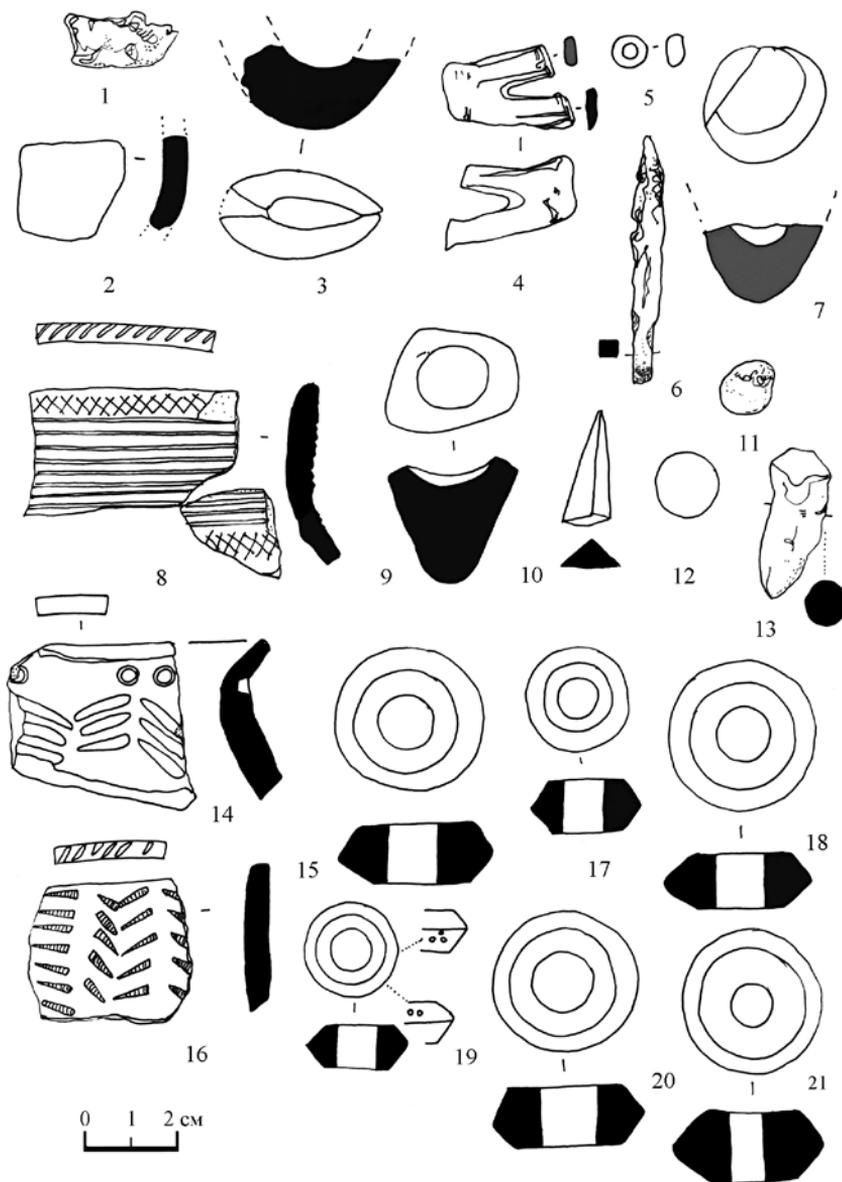

Рис. 3. Тетюшское II городище.
План раскопа VIII с обозначением
мест находки железных топоров

Тетюшское II городище. Раскоп VIII. Индивидуальные находки из раскопа:
 1 – уч. 4 (КП-4397/97); 2 – уч. 5; 3 – уч. 2, №20, -120 см (КП-4397/109); 4 – уч. 5, №16, -144 см (КП-4397/105); 5 – уч. 3, №12, -127 (КП-4397/118); 6 – уч. 5, №18, -137 см (НВФ 3074/3048); 7 – уч. 5, №15, -139 см (КП-4397/108); 8 – уч. 2 (КП-4397/102, 103); 9 – уч. 3 (КП-4397/119); 10 – уч. 4, №10, -113 см (КП-4397/113); 11 – уч. 1, №25, -129 см (КП-4397/117); 12 – уч. 1, №26, -129 см (КП-4397/116); 13 – уч. 5, №24, -164 см (КП-4397/114); 14 – уч. 4 (КП-4397/120); 15 – уч. 1, №22, -129 см (КП-4397/115); 16 – уч. 1 (КП-4397/121); 17 – уч. 5, №31, -191 см (КП-4397/122); 18 – уч. 2, №33, -145 см (КП-4397/124); 19 – уч. 5, №32, -187 см (КП-4397/123); 20 – уч. 1, №34, -198 см (КП-4397/125); 21 – уч. 1, №6, -118 см (КП-4397/106)

Рис. 5. Тетюшское II городище. Индивидуальные находки раскопа VIII

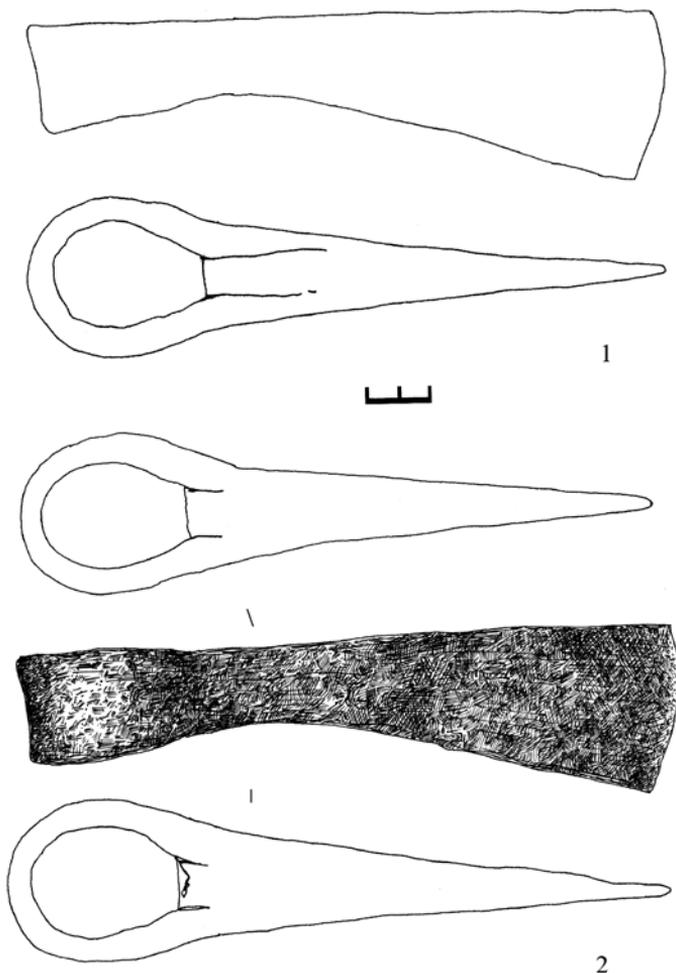

Рис. 6. Тетюшское II городище. Железные топоры из раскопа I (1 – кат. №1; 2 – кат. №2)

Рис. 7. Тетюшское II городище. Железный топор (кат. №1)

линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,35 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,4 см). Обух петлевидный, высотой 3,4 см; размеры проуха: 4,5–4,7 x 3,1–3,5 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки – 0,5–0,7 см (с одной стороны) и 0,6–0,9 см (с другой); на обухе – 0,6 см. Общая длина топора – 20,5 см, высота – 5,35 см, ширина – 4,8 см. Сохранность: без коррозии, без утрат. Топор изготовлен по схеме №1.

8. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –84 см, №28; ТКМ, инв. №4397/17) (рис. 8.-3). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,8, шириной 2,25–5,25 см; толщина – от 0,3 до 3,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 5,25 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 3,5 см; размеры проуха: 4,3–4,6 x 3,3–3,35 см (немного расширяется в верхней части). Толщина щек головки с одной стороны – 0,6–1,1 см, с другой – 0,75–

1 см, на обухе – 0,75 см. Общая длина топора – 20,4 см, высота – 5,25 см, ширина – 5 см. Сохранность: без коррозии, фрагмент носка утрачен. Топор изготовлен в целом по схеме №1.

9. Топор (раскоп VIII, уч. 6, пласт 2, слой III, гл. –85 см, №27; ТКМ, инв. №4397/15) (рис. 8.-1). Железо, ковка, сварка. Проушный, округлообушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 14,6, шириной 2,3–4,9 см; толщина – от 0,35 до 3,7 см (в плане:

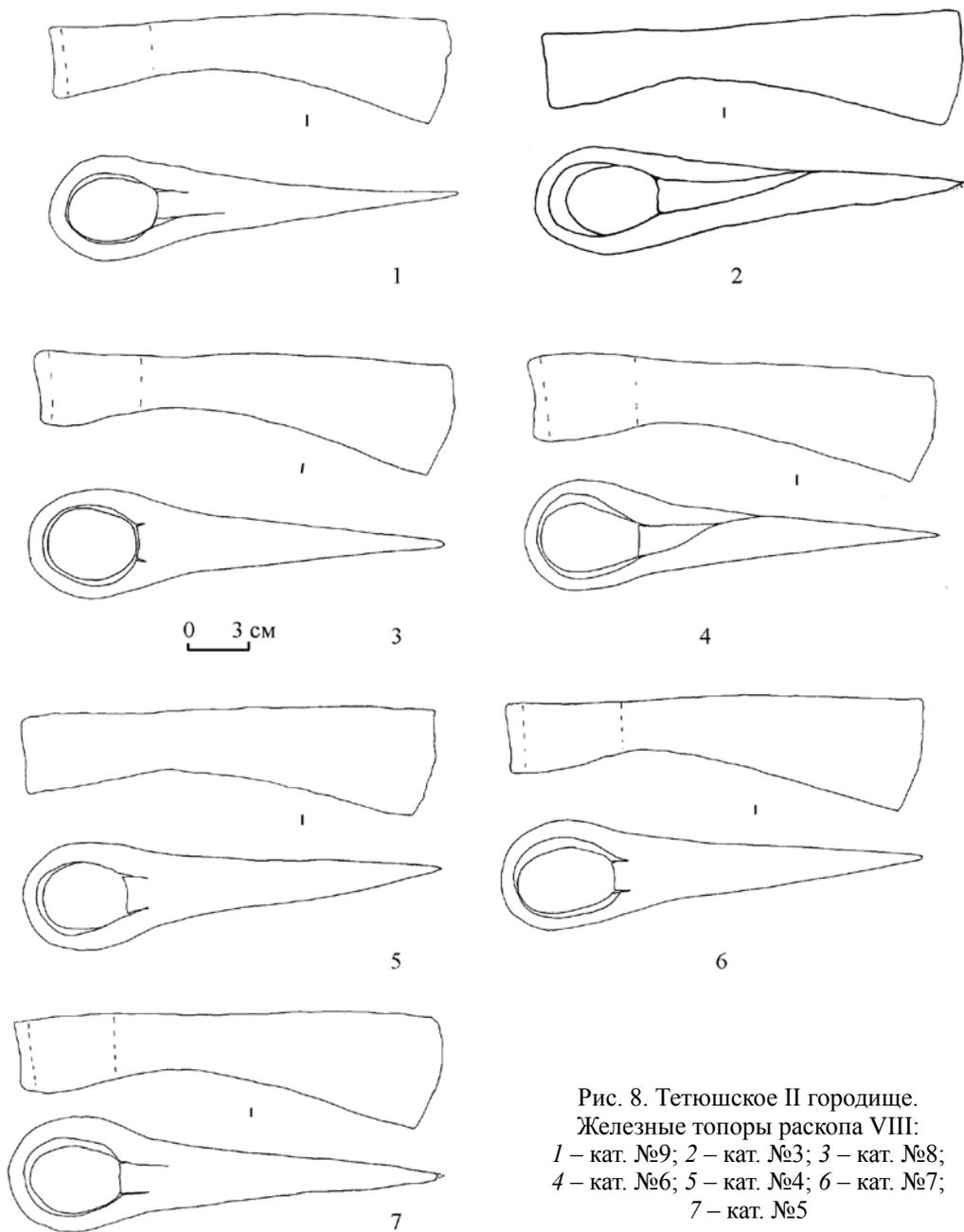

Рис. 8. Тетюшское II городище.
Железные топоры раскопа VIII:
1 – кат. №9; 2 – кат. №3; 3 – кат. №8;
4 – кат. №6; 5 – кат. №4; 6 – кат. №7;
7 – кат. №5

Рис. 9. Тетюшское II городище.
Железный топор, кат. №3. Деталь

в верхней части). Толщина щек головки составляет с одной стороны – 0,85 см, с другой – 0,7 см, на обухе – 0,7 см. Общая длина топора – 19,7 см, высота – 4,9 см, ширина – 5,1 см. Сохранность: без коррозии, выбоина по середине лезвия. Топор изготовлен в целом по схеме №1.

вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным на одной линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие высотой 4,9 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,35 см). Обух петлевидный, высотой 3,5 см; размеры проуха: 4,6–4,65 x 3,5–3,65 см (немного расширяется

Находка топора вне клада

10. Топор (раскоп IV, уч. 6, пласт 3, слой II, гл. –49 см, №10; ТКМ, инв. №3025/99)

Рис. 10. Тетюшское II
городище. Раскоп IV.
Железный топор, кат. №10

(рис. 10). Железо, ковка, сварка. Проушный, округло-обушный, с узким вытянутым полотном (клином) длиной 13,6, шириной 2,6–4,1 см; толщина – от 0,2 до 2,6 см (в плане: вытянутый равнобедренный треугольник); с носком, расположенным чуть ниже линии с обухом, и с оттянутой вниз пяткой. Лезвие почти прямое, чуть изогнутое, высотой 4,1 см, чуть закругленное, незаточенное (ширина кромки лезвия 0,2 см). Обух петлевидный, высотой 2,6 см; размеры проуха: 4 x 3 см. Общая длина топора – 18 см, общая высота – 4,2 см, ширина – 4,1 см. Сохранность: сильная коррозия, утраты. Топор изготовлен, вероятно, по схеме №1. Найден в переотложенном состоянии.

Все тетюшские топоры из клада стандартны по форме, размерам (варьируют в пределах 1 см) и пропорциям (1 : 5–1 : 6). Они не имеют заточки и следов сработанности. Несколько отличается по размерам и форме лезвия топор, найденный на раскопе IV, хотя в целом его тоже можно отнести к этому типу.

Топоры находились у края обрыва, приблизительно в 1 м от крутого откоса (рис. 2), образуя в плане фигуру, близкую к овалу (рис. 3). Зафиксированы они на глубине (нижняя точка) от –84 до –100 см от «0», в зависимости от положения в почве (вертикальное или горизонтальное), за исключением только одного топора (№6), найденного чуть ниже. В большинстве случаев топоры располагались на боку (наклонно) лезвием вниз. Каких-либо воздействий на их положение в зем-

ле с момента сокрытия, скорее всего, не было, поскольку ни распашки, ни каких-либо перекопов в этом месте не отмечено, что видно из стратиграфии (см. рис. 4). Дневной уровень топоров соответствует III стратиграфическому слою.

Отметим ряд деталей. К северу от клада, на участках 4 и 5, в III стратиграфическом слое (–144 и –145 см от «0») найдены разрубленный слиток металла белого цвета (рис. 3.-16) (рис. 5.-4) и бронзовый (латунный?) стержневидный слиток (рис. 3.-19). Последний близок слиткам, собранным на Щербетском I островном селище [Сидоров, Старостин, 1970, с. 235–236]. К нижнему горизонту III слоя (перекрытому отложениями культурного слоя, в котором находились топоры) относится находка фрагмента кушнареновской керамики, датированного 2-й половиной VII в. [Руденко, 2013, с. 62]. Таким образом стратиграфическая дата клада будет определяться не ранее этого времени.

В целом проушных топоров, найденных на именьковских поселениях, немного (см. рис. 1). Они обнаружены на следующих городищах: Именьковском (раскопки Н.Ф. Калинина) [Калинин, Халиков, 1960, с. 245, рис. 7.-2] (рис. 1.-1; 11.-1; 12.-4) и Бальмерский Шелом (раскопки Б.Б. Жиромского) (рис. 1.-5; 12.-5); Коминтерновском поселении «Курган» (раскопки и сборы П.Н. Старостина) (рис. 12.-3) [Старостин, 1967, с. 22, табл. 13.-9–12; Старостин, 1983, с. 15] и Щербетском I островном селище (исследования П.Н. Старостина) (рис. 1.-2; 12.-1, 2). На последнем в подъемном материале собраны 28 железных топоров [Старостин, 1968, с. 251], которые можно расценивать как своего рода клад. Два топора найдены на городище Лбище на Самарской луке [Семькин, 2014, с. 246, 262, рис. 1.-848, 849] – памятнике предименьковского, или раннеименьковского, времени.

Из вышеперечисленных топоров наибольшую близость с тетюшскими обнаруживают пять изделий из Щербетского клада (рис. 12.-2) и два топора из собрания НМ РТ без точного места находки (НМ РТ, инв. №5705-1; 122990 и 5709) (рис. 11.-2, 3). Отличаются от тетюшских топоры из Именьковского (НМ РТ, инв. №14224-118; АА-391/118) (рис. 11.-1; 12.-4) и Бальмерского (рис. 12.-5) городищ. Большая часть топоров из Щербетского клада (рис. 12.-1; 21 экз.) по форме и параметрам имеет сходство с топором из Именьковского городища (18 x 2,2 x 2,9 см) (рис. 11.-1).

Рассмотрим имеющиеся аналогии тетюшским изделиям и их датировку. Железные проушные топоры именьковской культуры, как правило, датируются в рамках IV–VII вв., т.е. всем периодом ее существования. На ранней стадии именьковской культуры – IV в. н.э. (лбищенский этап, по Г.И. Матвеевой) [Матвеева, 1998, с. 92], или предименьковской, как считает Д.А. Сташенков [2010, с. 272–275], топоры тетюшского типа не встречаются. Хотя на городище Лбище, материалы которого и стали основанием для выделения этой стадии, обнаружены проушные топоры с секировидным лезвием [Матвеева, 2003, с. 145, рис. 22.-2, 3; Семькин, 2014, рис. 1.-848, 849]. Однако они имеют мало общих черт с тетюшскими. Это вполне объяснимо, учитывая особенности этого памятника [Матвеева и др., 2012, с. 171–198] и соотношенность его с именьковской культурой в целом [Вязов, Сташенков, 2013, с. 49–56].

Лбищенскому этапу именьковской культуры по хронологии соответствуют памятники азелинской культуры в Прикамье (III–IV вв.), население которой, вероятно, вступало в контакты с «именьковцами» [Калинин, Халиков, 1960, с. 238]. В азелинских могильниках встречаются достаточно близкие по форме топоры, например,

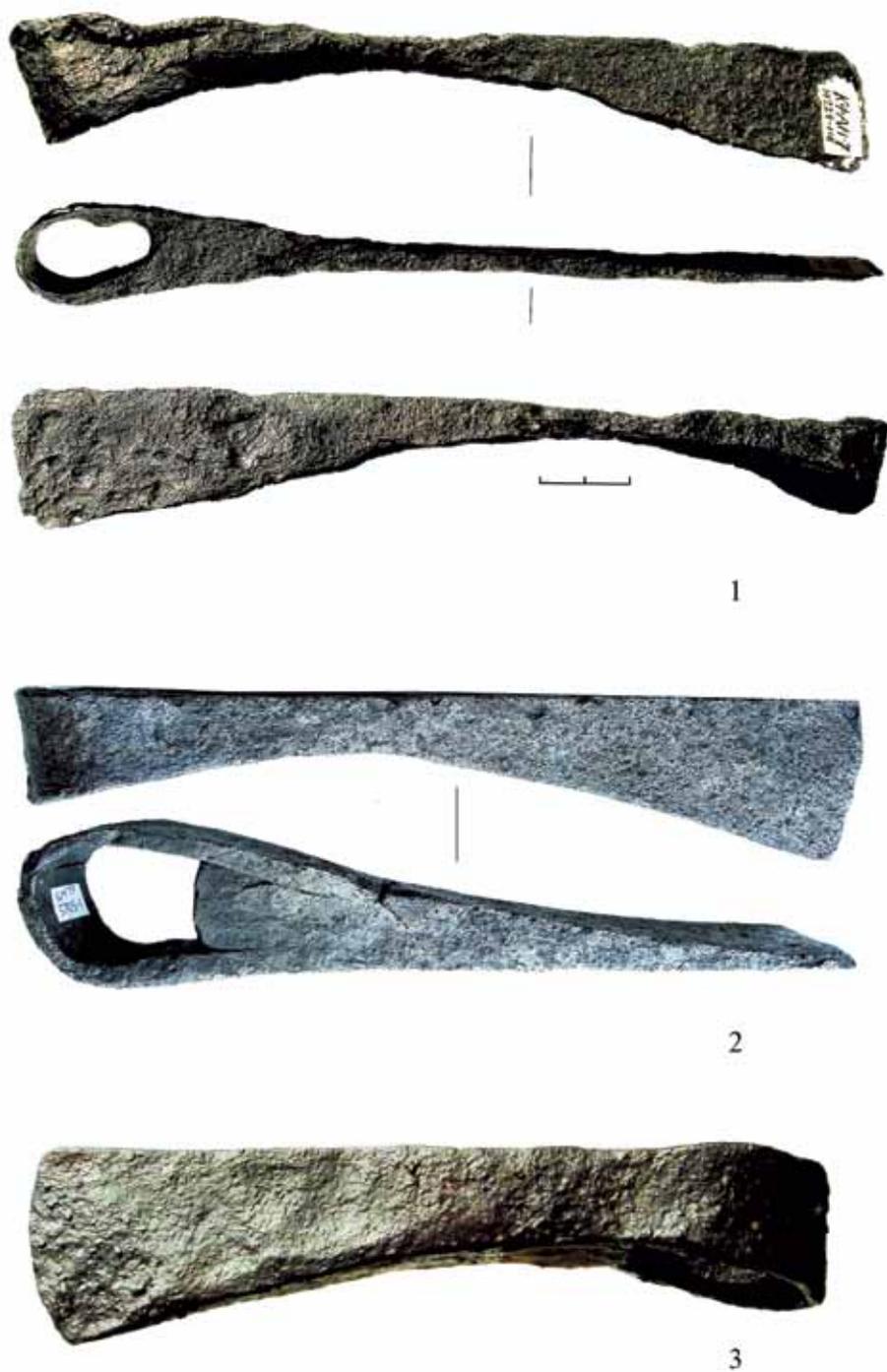

Рис. 11. Железные топоры: 1 – Именьковское городище (раскопки Н.Ф. Калинина). НМ РТ. Инв. №14224-118; 2 – без точного места находки. НМ РТ. Инв. №5705-1, старый номер: №12299; 3 – без точного места находки. НМ РТ. Инв. №5709

в погр. 25 Усть-Брыскинского могильника в Татарстане [Шадрин, 1995, с. 167, рис. 5.-3]. Впрочем, на этом же памятнике (погр. 24) найдены и массивные проушные топоры иной формы [Шадрин, 1995, рис. 5.-2]. Последние характерны и для Азелинского могильника [Генинг, 1963, табл. XVI.4-9].

Железные проушные топоры обнаружены в мужских погребениях вятских могильников III–IV вв. азелинской культуры. Чаще всего в погребении помещался один топор, только в погребении №94 могильника Тюм-Тюм обнаружены 20 топоров [Ошибкина, 2010, с. 44, 154, табл. 41; 43.-1; 44; 45.-13]. У изделий из этого захоронения, выполненных специально для погребального ритуала [Ошибкина, 2010, с. 99], менее массивный обух, чем у тетюшских, вытянутое округлое лезвие, что очень напоминает именьковские топоры шербетьского типа. Вместе с тем большинство проушных топоров в вятских могильниках имеют массивный обух, вытянутый клин с округлым или секировидным лезвием. Такой тип топоров был распространен в Прикамье с первых веков н.э. [Ошибкина, 2010, с. 43; Лещинская, 2000, с. 31, 37, рис. 9.-1; 15.-10]. Проушные топоры этого типа представлены в могильниках мазунинской культуры III–V вв. н.э. [Останина, 1997, с. 263, рис. 17.-2, 3], причем они имеют аналогии (что отметила и Т.И. Останина) в Южном Приуралье [Мажитов, 1968, с. 134, 140,

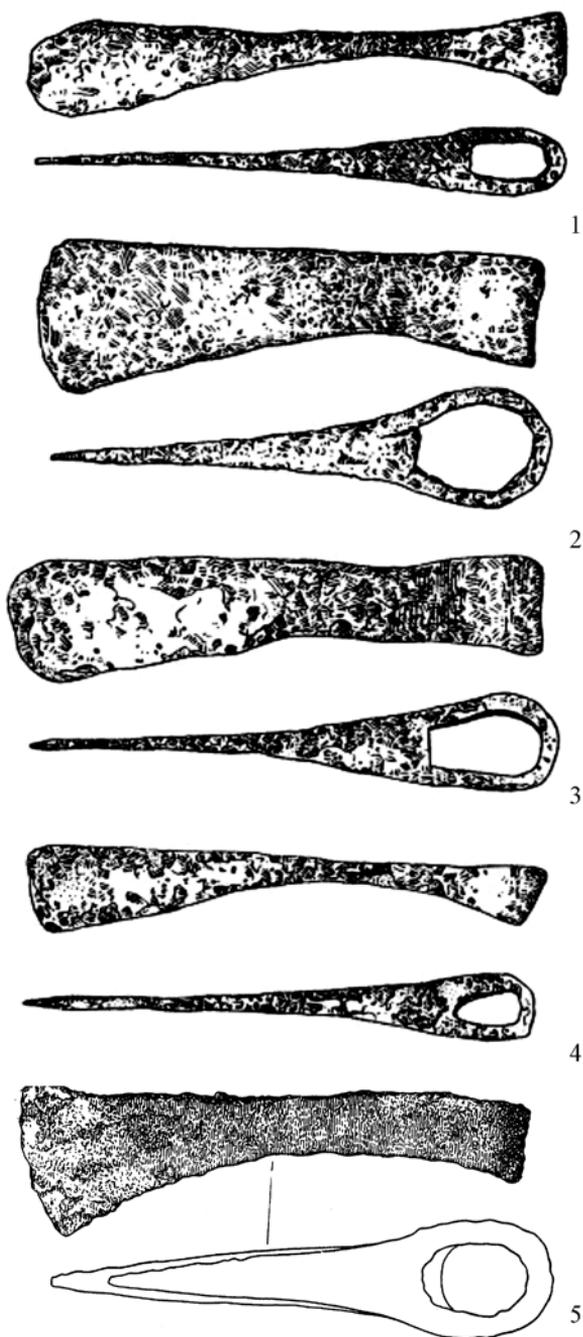

Рис. 12. Железные топоры: 1, 2 – Щербетское I островное селище; 3 – Коминтерновское поселение «Курган»; 4 – Бальмерское городище «Шелом» (1–4 – по П.Н. Старостину; 5 – по Б.Б. Жиромскому). 1, 4 – шербетьский тип топоров; 2 – тетюшский тип топоров; 5 – бальмерский тип топоров

151, 153, табл. 15.-17; 19.-12; 29.-18; 31.-14; Сунгатов и др., 2004, с. 40, рис. 37.-1; 66.-9–11]. Мазунинские проушные круглообушные топоры вытянутых пропорций (тип 2, вариант 3), близкие тюм-тюмским, как считает Т.И. Останина [1997, с. 72], были ритуальными предметами и генетически связаны с Прикамьем, куда они попали с территории именьковской культуры.

Северо-западнее Тетюш, в Марийском Поволжье, в большинстве случаев проушные топоры в IV–VII вв. н.э. практически не использовались, хотя втульчатые топоры (так называемые кельты) были распространены там достаточно широко [Никитина, 1999, с. 29]. В какой-то степени (судя по кладу с Буйского городища) форма наконечника топора – втульчатый кельт – достаточно традиционна для Прикамья и в целом для Волго-Камья начиная с эпохи раннего железного века [Ашихмина, 1987, с. 103–120].

В Удмуртском Прикамье топоры, близкие тетюшским, единичны [Голдина, Кананин, 1989, рис. 58.-1–14, тип 4]. Датированы они концом VII – VIII в. – деменковской стадией ломоватовской культуры [Голдина, 1985, с. 129, 130, 235, табл. XXVIII.-13, рис. 16.-101, 102]. В большинстве случаев [Генинг, 1964, табл. IX.-2–8] они, как и топоры предшествующей стадии – агафоновской (конец VI – VII в.), в сравнении с тетюшскими более массивны [Голдина и др., 1980, с. 166, 170, 180, табл. XXV.-10; XXIX.-13; XL.-12] или же имеют совершенно иную форму [Голдина и др., 1980, с. 38–39, табл. XIX.-6]. Деменковская стадия ломоватовской культуры соотносится с материалами Невольинского могильника [Голдина, 1985, с. 130], где только один топор [Голдина, 2012, с. 334, табл. 189-3], датированный VIII – 1-й четвертью IX в. [Голдина, 2012а, с. 276, табл. 38-4], близок тетюшским.

В целом можно констатировать, что тетюшский тип топоров не имеет точных аналогий в материалах Волго-Камья VII – 2-й половины VIII в. [Голдина, 2012а, с. 257, 272, табл. 17.-8, 9; табл. 34.-4, 5], как и за пределами этого региона. Единичные случаи находок близких по форме изделий позволяют предполагать появление предшествующих типов проушных топоров в Прикамье не ранее V в. н.э. [Наговицин, Семенов, 1978, с. 123, табл. II.-1].

Исследования азелинских кузнечных изделий, в том числе и проушных топоров из могильника Тюм-Тюм на Вятке и V Рождественского на Каме, показали, что они изготавливались практически одинаково. Проух формировался путем изгиба на оправке железной полосы, концы которой сваривались и вытягивались, путем чего формировалось лезвие. Для придания массивности между свариваемыми концами полосы железа вставлялся железный клин (полоска металла) [Терехова и др., 1997, с. 139]. В целом топоры были изготовлены из железа и мягкой стали и в ряде случаев подвергались термообработке [Терехова и др., 1997, с. 140]. Проушные именьковские топоры с I Щербетьского селища, по данным анализов, имеют много общего с азелинскими проушными топорами из могильника Тюм-Тюм (как конструктивно, так и по технологии изготовления) [Терехова и др., 1997, с. 146]. Отмечено, что происхождение более массивных секировидных азелинских и именьковских топоров не ясно, хотя чаще всего высказывается гипотеза об их западных истоках (Центральная Европа), где такого рода изделия выступали как полуфабрикаты и как единицы обмена [Терехова и др., 1997, с. 148; Завьялов и др., 2009, с. 123].

Ученые отмечают близость именьковских топоров щербетьского типа топорам черняховской культуры (по размерам, форме и технологии изготовления). Встречают-

ся аналогии им в рязано-окских могильниках IV–VI вв. н.э. [Ахмедов, 2007, с. 154, 157, 158, 162, 168, рис. 2-5; 5-13; 6-12; 9Б-14; 14-17]. Близость черняховским традициям металлообработки отмечает Ю.А. Семькин [2014, с. 254] для изделий (в том числе топоров) с городища Лбище. Топоры из рязано-окских могильников отличаются изгибом лезвия вниз и выраженными щековицами. Нередко эти топоры (небольших размеров) имеют высокий обух с выделенными щековицами, а общий контур напоминает секиру. Датируются они концом IV – V вв. н.э. [Массалитина, 2008, с. 113, 115, рис. 2]. Некоторые аналогии проушным топорам Волго-Камья можно найти на памятниках дьяковской культуры (в частности, Щербинского городища в Московской области). Проушный топор с массивным обухом и изогнутым лезвием, найденный в хозяйственной яме указанного памятника, датирован V в. н.э. [Дубынин, 1974, с. 226–227, табл. VII.-10].

В гипотезе о распространении проушных топоров в Прикамье и на Средней Волге значительное место занимает тезис, что именьковская, мазунинская, азелинская культуры на каком-то этапе (IV–V вв. н.э.) были синхронны и проушные топоры распространялись от населения именьковской культуры к соседям [Завьялов, 2005, с. 68; Завьялов и др., 2009, с. 115, 117]. Определялась дата – V в. н.э. [Завьялов, 2005, с. 121], когда значительная часть проушных топоров в регионе, несмотря на ряд отличий в форме изделия, были изготовлены практически по одной технологической схеме – «именьковской». Также высказано мнение, что с V по VII в. в кузнечное ремесло Прикамья внедрялась идея проушного коротколезвийного топора [Завьялов и др., 2009, с. 115, 117]. Стоит заметить, что о контактах именьковского и азелинского населения в V в. н.э. пока мало фактов. Там, где именьковские и азелинские памятники соседствуют территориально, между ними либо имеется хронологический разрыв, либо нет видимых следов контактов. Например, в Рождественском V могильнике, расположенном рядом с комплексом именьковских поселений и могильника, найден только один проушный топор – массивный с секировидным лезвием [Старостин, 2009, с. 118, рис. 32.-8], близкий мазунинским. Форма, как и способ изготовления проушных топоров из Тураевского могильника V в. (курган №5), мало соответствует именьковским изделиям [Генинг, 1962, с. 75, рис. 29.-9–11].

Именьковские топоры из Щербетского селища (щербетского типа) изготавливались из железного клина, к которому кузнечной сваркой приваривалась согнутая на оправке пластина, по форме в виде дуги; она образовывала проух и проушное отверстие; затем второй конец согнутой пластины вытягивали до образования лезвия и обрабатывали острие [Старостин, Хомутова, 1981, с. 212, 213; Завьялов и др., 2009, с. 124, 125]. Топоры тетюшского типа, вероятно, изготовлены путем сгибания одного из концов заготовок на оправке с применением дополнительного клина для увеличения внутреннего диаметра проуха. Это можно проследить на нескольких топорах благодаря отсутствию коррозии на их поверхности. Уточнить технологию изготовления тетюшских топоров можно будет после проведения специальных исследований.

В целом, учитывая известные центры, связанные с металлургией железа в Прикамье [Генинг, 1980, с. 192–135] и кузнечным делом, можно предполагать местное производство большей части железных топоров в IV–VIII вв. в том регионе. Были и предпосылки этого: металлографические исследования показали, что в Волго-Камье к I тыс. н.э. складывается устойчивый технико-технологический стереотип в изготов-

лении рассматриваемых изделий [Завьялов и др., 2009, с. 132]. На территории расселения «именьковцев» изучены поселки металлургов, где зафиксированы сыродутные горны, имеются следы плавки руды и отходы производства [Семыкин, 1998, с. 167–184], причем это характерно как для крупных поселений, так и для относительно небольших [Руденко, 1998, с. 185–197]. Исследователи отмечают, что кузнечная продукция населения именьковской культуры отличалась более высоким технологическим уровнем, чем у их соседей [Завьялов, 1992, с. 171].

В целом население именьковской культуры в V–VII вв. использовало железные проушные топоры нескольких типов. Первый из них – массивный короткий топор, второй – топор с длинным тонким и узким лезвием. Такие же встречаются в могильниках азелинской, мазунинской культур III–V вв. н.э. Известны они на ранних поселениях именьковской культуры (лбищенский этап). Не позднее IV в. на памятниках Камско-Вятского междуречья зафиксирован тип узколезвийных круглообушных проушных топоров с небольшими вариациями (касающимися, как правило, лезвийной части изделия), просуществовавший до VII в. в виде щербетьского типа топоров (рис. 12.-1, 4). В IV–VI вв. на памятниках Волго-Камья получили распространение топоры с секировидным лезвием, отчасти сходные с балымерским типом именьковских изделий VI–VII вв. (находки на городище Шелом: рис. 12.-5). В VII в. начинают встречаться топоры тетюшского типа (рис. 8; 12.-2). Крайнюю дату их бытования можно определить рубежом VII–VIII вв., хотя и более позднее время их бытования (1-я половина VIII в. н.э.) исключать не стоит. Сосуществовали ли они в течение VII в. с топорами щербетьского типа, пока сказать трудно. Находка их на Щербетьском селище, учитывая подъемный характер материала и вероятность того, что они происходят из разновременных комплексов, не может быть абсолютным доказательством. Топор с Именьковского городища не имеет четких хронологических показателей.

Подводя итог вышесказанному, можно предположить, что тетюшский тип топоров, наиболее ярко представленный в Тетюшском кладе, распространялся короткое время (в последней трети VII или на рубеже VII–VIII вв.) в небольшом ареале средневожской территории именьковской культуры (за исключением Самарской луки). О том, что топоры, близкие к изделиям тетюшского типа, бытовали и позже (в VIII – начале IX в.), косвенно свидетельствует находка из погребения 37 могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии [Генинг, 1962а, с. 54, табл. XII.-12]. Они имеют непосредственную связь с топорами более раннего времени и с топорами щербетьского типа. Что касается самого факта обнаружения этих топоров на Тетюшском II городище, то вполне возможно его интерпретировать как скрытое сокровище, хотя исключать и другие варианты будет некорректно. Клад не связан с хозяйственными или производственными строениями на этом памятнике. Каких-либо следов пожара или разрушений как причины сокрытия топоров здесь не зафиксировано. Учитывая то, что поблизости располагалась площадка для плавки и обработки металлов, можно предположить, что была какая-то другая мотивация для этого действия: производственная или культовая.

Не ясно, где были сделаны эти топоры. Очевидно, что это была одна партия изделий, причем не подготовленная по каким-то причинам для использования. Если их не отковали на месте, тогда это была привозная партия товара, предназначенная для реализации или для последующей доводки и т.п. Нельзя полностью исключать и ритуальный смысл этого действия. Обращает на себя внимание совпадение нескольких

фактов: массовой находки железных однотипных топоров, латунных стержневидных слитков, наличия производственных объектов для обработки цветных металлов и металлургии железа на Тетюшском II городище и на Щербетском I островном селище. К сожалению, культурный слой Щербетского поселения был размыт до материка, и археологический контекст находок топоров полностью утрачен. Дальнейший анализ материалов Тетюшского II городища позволит уточнить высказанные предположения.

Библиографический список

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. : ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ашихмина Л.И. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1987. С. 103–120.

Вязов Л.А., Сташенков Д.А. Культурно-хронологические группы населения Самарского и Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения). Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2013. С. 49–56.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г. ВАУ. Вып. 2. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1962. С. 72–80.

Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Свердловск : УрГУ, 1962а. 140 с. (Вопросы археологии Урала. Вып. 3).

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов. Ижевск ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1963. 160 с. (Вопросы археологии Урала. Вып. 5).

Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964. Вып. 6. С. 94–162.

Генинг В.Ф. Опуятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1980. С. 92–135.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2012. Т. 21. 472 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2012а. Т. 25. С. 203–286.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1980. С. 3–66.

Завьялов В.И. Техничко-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1992. С. 165–184 (АЭМК. Вып. 21).

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М. : Знак, 2009. 264 с.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М. : Наука, 1974. С. 198–281.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. №80. С. 226–250.

Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Доклад на заседании Института истории и культуры народов Приуралья 2 декабря 1999. Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2000. Вып. 2. 56 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. М. : Наука, 1968. 164 с.

Массалитина Г.А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 111–129.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 87–96.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура : учебное пособие. Самара : Самарский университет, 2003. 160 с.

Матвеева Г.И., Вязов Л.А., Гасилин В.А., Ломейко П.В., Серых Д.В., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Исследования городища Лбище в 2003 г. // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2012. №3. С. 171–198.

Наговицин Л.А., Семенов В.А. Городищенский могильник III–IV вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск : УдмНИИ, 1978. С. 118–123.

Никитина Т.Б. История Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Труды Марийской археологической экспедиции. 1999. Т. V. 160 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УдмИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. // Материалы охранных исследований. М. : Институт археологии РАН, 2010. Т. 13. 212 с.

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 185–197.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань : Заман, 2010. 152 с.

Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань : Заман, 2011. 144 с.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Семькин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара : СОИКМ, 1998. С. 167–184.

Семькин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции городища Лбище по результатам металлографического исследования // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. М. : ИА РАН, 2014. С. 245–276.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская археология. 1970. №4. С. 233–237.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М. : Наука, 1967. 100 с. (САИ. Вып. Д1–32).

Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // Советская археология. 1968. №1. С. 251–255.

Старостин П.Н. Раннесредневековое поселение «Курган» // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань : КФАН СССР, 1983. С. 6–19.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. 144 с. (Археология Восточноевропейских степей. Вып. 9).

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // Советская археология. 1981. №3. С. 208–217.

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. №6, т. 12. С. 272–275.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовой могильник). Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. : Металлургия, 1997. 318 с.

Шадрин А.И. Результаты металлографического анализа железных предметов из погребальных комплексов I тыс. н.э. Волго-Камья // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 1995. С. 140–167 (АЭМК. Вып. 24).

K.A. Rudenko

TREASURE OF IRON AXES FROM HILLFORT TETJUSHSKY II IN TATARSTAN EPOCH OF THE EARLY MIDDLE AGES

Hillfort Tetjushsky II is located on northern suburb of Tetjushy of Tetjushsky area of Tatarstan. In 2007–2013 the area in 444 m² here has been dug out. The cultural layer has thickness in 1,5–2 m. Excavation has shown that the settlement on this place has arisen during an epoch of a late bronze age – the beginning of the early Iron Age – in IX–VIII th centuries BC. The blossoming the settlement has reached in VI–VII centuries This period is presented by materials Imen'kovo archaeological culture.

The unique find on a site of ancient settlement of a treasure of iron axes Imen'kovo archaeological cultures is interesting. In a treasure there were 8 identical axes which it is possible to name axes «tetjushi type». All axes from a treasure were never used for the designated purpose. Edges at them were blunted. Safety of products the ideal: on a surface there are no traces of corrosion and damages. Magnificent safety of artefacts allows to establish a way of their manufacturing. Axes have been found not all together, and in small territory by the area about 4 m² nearby from specialised objects for fusion of metals. But they have not been connected with one of them.

One more iron axe has been found out in excavation area on other part of a site of ancient settlement. It differed from axes from a treasure in the sizes and safety. But appearance of this artefact was close to axes from a treasure.

The treasure has been hidden in the end of VII century – the beginning of VIII century. Axes of this type in small territory Imen'kovo archaeological cultures in the bottom current of Kama and an average current of Volga in second half or the end of VII century extended. Analogies to the axes found on hillfort Tetjushsky II allow to assume that they have evolved from the tradition generated in not earlier than V century AD.

The reasons of concealment of a treasure are not solved. Axes could be the treasure, the valuable goods hidden by the owner. It is impossible to exclude and that they to be and ritual subjects.

Keywords: Tatarstan, the early Middle Ages, archeology, Kushnarenkovo archaeological culture, Imen'kovo archaeological culture, iron axe, Azelino archaeological culture.